

Шарлотта Лис

Энрикетта в другой жизни

С привлечением тайной переписки 1592 года

18+

Шарлотта Лис
Энрикетта в другой жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лис Ш.

Энрикетта в другой жизни / Ш. Лис — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Это законченное произведение, внешне оно представляет собой стилизованную историю английского двора конца 16 века. Сначала действие развивается размеренно, монологи героев похожи на философские рассуждения. Затем события разворачиваются стремительно до кульминации и наступает развязка. Если вы уже читали фрагмент нашего романа для бесплатного скачивания "Диско", то знаете героев Мигеля и Шарлотту - знаменитого певца и его поклонницу. Реальна ли любовь между ними? На этот раз мы представили, что они живут не в 21 веке, а гораздо раньше. Как в этом случае будет выглядеть их история - читайте в этой пьесе.

© Лис Ш., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Элемент первый. Всего лишь нрав	6
Фрагмент 1. О высотной болезни	6
Фрагмент 2. О тщетных попытках	8
Фрагмент 3. О соответствующих причинах	9
Фрагмент 4. О стремлении в праведники	11
Элемент второй. Где моя душа?	12
Фрагмент 1. О жизненных преградах	12
Фрагмент 2. Об объектах	14
Фрагмент 3. О свойствах тел	16
Фрагмент 4. К вопросу о непоследовател	17
Фрагмент 5. К вопросу о непоследовательных мыслях	19
Фрагмент 6. О начале большого скандала	21
Элемент третий. Идеологи	22
Фрагмент 1. О полном счастье	22
Фрагмент 2. О практике и теории счастья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нет, он упорствовал:

Он перед вами корчил короля. <...>
Велел на ваших же глазах
Любимца, певца-красавца
Риччио прикончить.

Шиллер. Мария Стюарт

И Дух и Невеста
Говорят: прииди.

Апокалипсис

Элемент первый. Всего лишь нрав

Фрагмент 1. О высотной болезни

Charlotte, Joana Robertie Lovurier, принцесса Английская

Ночь! Ты верила в меня...

С тех пор, как я увидела солнце над моей головой, с тех пор, как я посмотрела в собственные глаза, с тех пор, как моя душа отразилась в первом слове и разум—в первом росчерке, я поняла, что буду грешить.

Настал тот день, когда мне пришлось выбрать, и выбор был тем тяжелей, что меня в нем не стесняли. Не смели...

Передо мной распахнулось столько дверей – я думала остаться на месте и не решиться сделать ни шагу. Я не знала, что правильнее, что вернее, а хотелось слишком многого.

Тогда я впервые поняла свою ненасытность. Но это была лишь душа, которой хотелось объять весь мир.

«Исчадь, успокойся, ты не в космосе!»

Тогда я впервые поняла свою жестокость. Но у меня были основания... Это проистекало от трусости... перед переменами, перед собой, перед мнением других, перед... А еще я боялась тишины—

я стала с грохотом захлопывать двери, одну за другой, одну за другой. Все эти манящие миры исчезали, превращаясь из объемного изображения в сплошную серую стену... Я захлопнула их все. И осталась в темноте. И тогда поняла, как я боюсь темноты... А еще я поняла – как страшно споткнуться, если пойду куда-нибудь, как страшно ступить не туда среди ночи. Вот тогда мне и захотелось летать. С тех пор я учусь парить! Взлетаю и падаю, взлетаю и падаю... Оказалось, в темноте хорошо летать, потому что мне не видно, насколько высоко я залетела. Я протягиваю руки и ощупываю стены вокруг меня, стены «закрытых дверей», но не чувствую потолка, потолка «моих желаний», и я лечу вверх, иногда лечу вниз и поднимаюсь снова—я люблю жить подобно птице, потому что в воздухе нет таких препятствий, какие есть на земле. Я далека от земной жизни и от земных преград—от земных «закрытых дверей». Они исчезли, и я смогу объять все, пролететь над всем и все увидеть...и так я смогла понять это – только в темноте! А еще это вечная борьба—с постоянным движением вниз, с тяжестью собственного тела.

Пусть говорят, что я выбрала самую трудную дорогу—нет! Это не дорога, это трехмерное пространство. Выбрала? – нет! Это была необходимость—необходимость жить среди собственных страхов и пороков, это был единственный путь, потому что я уничтожила весь мой выбор, а заодно и проблему с ним связанную. Теперь у меня другая проблема—у меня нет выбора.

Ночь! Ты верила в это безумие!

В безумие того, что я породнюсь с тобой, в безумие того, что я смогу жить в темноте, жить, не видя ничего вокруг, жить в грехе и не замечать его последствий.

И я живу и грешу! В первую очередь, против истины! Я ее не знаю, не вижу... Во вторую очередь, против веры. Веры в кого? В третью очередь, против морали. Мораль в комплексах – но так легче. В

четвертую очередь, против закона – однако не против естества: когда душе захотелось в космос, хотела отпустить ее, но тут же согрешила—против жизни.

Грешу в мелочах, потому что живу или в прошлом, или в будущем, грешу на бумаге, потому что покушаюсь на человека, грешу по жизни, потому что такая моя жизнь, грешу против собственного желания—по той же причине.

Ночь! Ты верила... или больше – ты знала.

Ты знала, где мне будет лучше. И мне лучше, здесь—в темноте. Потому что, я всегда надеюсь на свет, потому что не вижу, что я творю, потому что другие не видят, что я заливаюсь слезами, потому что никто не скажет, что напрасны мои слезы...

Фрагмент 2. О тщетных попытках

Anna, Natalie-Ann Aусорне, развенчанная монгольская принцесса

Я все смотрю туда, и если бы я не была так уверена в полной несостоятельности ощущений моих, то поклялась бы, что я вижу этот город...

Charlotte Ты всякий раз оглядываешься на давно ушедшее и похороненное, дорогой мой малыш... Ты бродишь по развалинам и оставляешь на них свои надписи, ты переворачиваешь камни, стараясь найти у них глаза, ты пытаешься собрать кровь, которая уже неотделима от земли, не можешь сказать последнее прости.

Anna . Вокруг меня другие стены, надо мной другие потолки, в моих глазах другие города, в моем доме другие люди.

Charlotte. Но то же солнце, то же небо, тот же состав почвы и те же зеленые листья. Те же слова и те же чувства, те же мысли и те же желания.

Anna . Всех тех юношей, которые нравились мне, я больше никогда не увижу.

Charlotte. Среди них не было таких, которым бы нравилась ты...

Anna. Я помню пальцы Эльвины... сестры...

Charlotte. А я помню твои огромные, растерянные глаза... Ты почитала меня за бога, а я только думала – как ты могла жить столько лет ... без меня и...

Anna. Я люблю тебя!

Charlotte. Ты плачешь у окна, а солнце медленно садится и отражается в твоих глазах, потом делает золотыми твои волосы и решетку делает теплой, чтоб она грела твое лицо, а я его почти не вижу – лучи прямолинейного освещения затушевали его и превратили лишь в образ. А потом солнце сядет, и ты медленно-медленно растворись, уйдешь в темноту – и все. Я тебя не увижу...

Anna. Ты почувствуешь меня. Когда будет совсем темно, я возьму твои руки, я буду гладить твои пальцы, я буду шептать тебе все, о чем не смогу молчать, я буду жить только ради тебя.

Я плачу у окна... Потому что у меня нет средства сделать тебя мужчиной, потому что мне больше не в ком обрести твою душу, и тебе нечем заменить меня. А еще я боюсь, что однажды ты уйдешь из моей жизни – найдешь... или найдут тебя, ты красивая – и тогда... я останусь одна. Может быть, я жалею о том времени, скучном и домашнем, когда оставалась еще надежда – а теперь ее нет. Я ударила головой о свой «потолок желаний». Я не знаю, что мне делать дальше.

Charlotte. Нет, это была не та травма. Голова осталась цела, и с потолка не сыпалась штукатурка. Лишь крик твой звенел, звенел, взлетая и взлетая—и замер, оборвавшись на своей дрожащей ноте; он ударился о свою особую преграду—бедное твое сердечко, которое не выпустило больше эмоций, чтоб поддержать этот твой крик. Только и всего. Это так не страшно. А я совсем не та красавица, которая притягивает, скорее наоборот, я резкая, уродливая, недоступная и!.. ненормальная, потому что бывают дни, когда я не в силах бороться со своей мужской частью—и тогда я люблю тебя одну и хочу сделать тебя своей, но не знаю, как... Ах, Анна!

Anna. А я не знаю, как просить, как искать тебя ночью.

Charlotte. Увы, увы, мы давно нашли друг друга, но ночь свою мы не нашли – и, может быть, она тоже разыскивает своих любовников, эта одинокая ночь, потому что ей страшно от себя самой и одиночества. И нет мысли утешительней, что мы просто не дожили до нее... И опять время мешает, которое потом с полным правом будет считаться упущенным...

Фрагмент 3. О соответствующих причинах

Charlotte. И все-таки ты любишь его в силу своей предрасположенности. Ты его любишь, а мне остается признать, что он в состоянии дать тебе то, чего я не могу. Если бы можно было завернуть его и завязать, расписать цветами и расшить нитками, запечь в праздничном пироге, облить шоколадом или набить конфетами – мне кажется, и тогда бы ты не была так рада, как сейчас—в ожидании его приезда или твоего отъезда. Казалось бы, такая большая кукла для маленькой девочки—можно плести косички, рядить его в костюмы, любоваться, сказать кучу слов... Можно сшить ему коня—пускай ездит, построить ему картонный домик—пусть сидит там днем, ночью класть к себе в постель... О, Анна—длинные, светлые волосы, голубые глаза, вид орлиный... о, Анна, а что с душой делать, чужой и незнакомой, ведь он живой, обязательно своенравный, дерзкий, вспыльчивый и бог весть еще какой неприятный – но даже не в этом все дело. «О Джордан!»—говоришь ты, но скажет ли он именно твоим глазам: «О Анна!»? Что за наказание!

Анна. Он не любит свою жену! Я уверена. Пусть она блестящая партия, но это для его титулов, а не для сердца. Я хочу согреть его – но ты права – он улыбается...

Charlotte. Он просто не знает другой жизни.

Анна. Он видел меня.

Charlotte. Видел, но не смотрел.

Анна. А она? Она тоже улыбается, в белой фате, в белом платье—под венец. И она – будущая королева. Ее сын – уже принц. А Джордан будет королем, королем Шотландии... О, неужели у короля нет сердца?!

Сколько преград на моем пути – мне не разбить его спокойной души, мне не разбить его титулов – я даже не знаю, что труднее... Я бессильна разрушать, я слишком ничтожна. Мне проще строить, чем крушить. Но как я могу строить его счастье, разрушая титулы... А если он уже обрел счастье? Что тогда... Строить свое благополучие и разбивать его мирный дом?.. О любимая, скажи, что мне делать? Что я должна? Чего я не должна?

Charlotte. Увы, Анна, твое природное начало одиноко и не знает покоя. Что говорит тебе истина: идти или стоять, ждать или добиваться, что говорит истина, которой нет для нас – что есть истина, которой мы не видим? И если твоя надежда умрет последней—последней из твоих чувств, все равно в этой жизни останется главное – ТЫ! Анна... прости ... ты не можешь быть только для меня... Праматерь не может быть столь жестокой, чтобы дать рану вперед жизни, дать ключ без двери, дать вечный бутон вместо эфемерного цветка – она не может толкать нас на... стыд!

Анна. И крик твой тоже замер?

Charlotte. Это динамичный... слишком сложный крик...

Анна. Почему так должно было получиться... У него есть старший брат, а женили именно его. Столько у него младших братьев, а любовь моя принадлежит именно ему. Уокер и Мария наши друзья, а он так далек, как звезда. А его жене восемнадцать лет... Понимаешь, Джордан женат на восемнадцатилетней Натали-Энн, но это не я. Какая чудовищная ошибка!!

Charlotte. Анна, не размазывай слез!

Анна. А может быть, ошибаюсь я? Но где же МОЙ Джордан? Как смешалось все...

Их было много—в Монголии, в Татарии – кто нравился мне. И еще могла тогда испытывать гнев, обиду – но не сейчас. Я бессильна. И когда я говорю: «Где мой Джордан?», я не знаю—Джордан ли это, и есть ли он вообще—«мой»... У меня слишком слабые руки, чтобы кого-то удержать.

Charlotte. А у меня руки—достаточно сильны, чтобы оттолкнуть всех! Непрístupная... но я так одинока. Анна, тебя можно полюбить за твою слабость, за эти маленькие пальчики, а я—

Меня презирают – таких большинство. Я не знаю, что они думают обо мне: горда ли? От сего ли мира? Нормальна ли? Непрístupна в принципе? А есть такие, о Анна, которые меня боятся, и тогда они делают вид, что им нет до меня интереса!!

Анна. Это сказало сердце?

Charlotte. Это сказала обида!

Анна. Кого ты любишь? Кого зовешь?

Charlotte. Я люблю того, кто любит меня! Кто поймет, что я просто не выросла, и... боюсь жизни, людей, чувств, мыслей, мнений, обид; о Анна, я прохожу через тоску, одиночество, печальную печать в облике—и мне не пристало этого бояться, но лишь одно—непонимание—преследует меня грозным бичом.

Анна. Ты кого-то любишь – я вижу этот знак в твоих глазах, любишь или хочешь полюбить – готова!

Charlotte. Какой нелепый смех! Она так ясно знает, кого бы она полюбила, что кажется, будто ей известен этот человек. Но она не помнит, чтобы знала его,—или, может быть – ЗНАЛА, но НЕ ПОМНИТ. О, какой нелепый смех!

Анна. Кто из них?

Charlotte. Это не они.

Ни один из них так и не понял меня, а если не понял – значит, не ОН...

О, я могу быть сильна по своей натуре, но я слаба по своей природе. Я мужчина среди мужчин, мужчина среди женщин, я женщина – как и пристало быть – лишь сама с собой, в ночи, в одиночестве.

Анна, знаешь ли, кто я? Вопросительны твои глаза?

Анна. Я спрашиваю твоего мнения.

Charlotte. Я мракобес.

Анна. А я светлячок, но не по природе, а оттого, что люблю свет – и от этого огонька любимого я подпалила себе крылья, и теперь я пылаю. Когда я сгорю? Когда я стану лишь тенью, которую бес утащит во мрак, где летать так безопасно?..

Фрагмент 4. О стремлении в праведники

Charlotte. О злость, неправедный гнев, гнусность всех пороков, зачем ты опять разь-едаешь на куски мое сердце? Зачем ты приходишь на смену страданию и скорби, зачем ты представляешься их детищем, зачем ты претендуешь на достойное существование и являешь мне свои права? Ты множишь пороки и вносишь вихри в жизнь, крушишь замыслы, сметаешь жуков вместе с лилиями, бросаешь неуютное и уютное бьешь им. Зачем ты превращаешь сны в кошмары, чувства в страсти, а действия в преступления? Зачем ты растишь цветок своего чувства: он слишком красный и слепит светобоязненное ощущение. Оставь меня в печали, дай мне жить и искупать достойно, оставь меня в скорби,—в скорби, ибо я покушаюсь на человека... Сорок девять смертных грехов! Боже, сорок девять грехов, Анна!

Элемент второй. Где моя душа?

Фрагмент 1. О жизненных преградах

Valensia Tuju-Stuart, принцесса Шотландская. А я тебе говорю, что жизнь прекрасна! И буду писать это на потолке, на стенах, на твоих ладонях, на краях твоей одежды, чтобы ты вновь и вновь твердила и верила.

Charlotte. Прекрасна, говоришь ты?

Прекрасна, когда не было плохого, или оно закончилось уже давно без последствий и видимых уродств; прекрасна, когда существо избавили от смерти, а не само оно вынуждено было отступить, проявляя себя как слабую тварь; прекрасна, когда есть гармония с природой, и ты получаешь столько же, сколько и отдаешь; прекрасна, когда человек един и возвышен, и нет в нем закручивающихся внутрь винтами проходов и узких коридоров, которые рискуют привести к казематам; когда нет в человеке могил тех или иных чувств, похороненных надежд, вредных мыслей, противоестественных желаний, тягостных воспоминаний и тупиков; разъедающих болезней, тревожных снов и лживых предчувствий; когда мир внешний не борется с миром внутренним; когда внутренний мир не гнушается столь уличных бульваров, что любые светлые тона уже вызывают светобоязнь; когда есть свой хрустальный конь, который отражает радиационные лучи—что? Заметь, я разбираю жизнь по всем составным ее волокнистым горизонталям. И что остается тогда человеку столь порочному, что и действия его и полная пассивность одинаково накаляют обстановку и портят жизнь всем?

Valensia. Я была бы так рада, если бы у нас с тобой были разные проблемы, и , может быть, мы бы просто не поняли друг друга—но ведь мы, как полюсы одной же идентичности, смотрим друг на друга равными глазами—но я пытаюсь выжить, ты же нет... Я говорю, а ты словно меня не слышишь—как дом молчания рушит оковы на мои речи. Я ведь так пыталась понять тебя—но ты лишь посмотришь и уходишь... Где ты живешь, Шарлотта? Когда ты слушаешь меня—как глас мученика, ты словно вырастаешь каменным храмом покаяния передо мной... но зачем ты сердце свое превращаешь в такой же храм?!—ибо я не скажу «камень», потому единственное, что я способна понять—так это: «Ее сердце не камень, а лишь молчаливый храм с вечным огнем внутри, монастырь с замурованным выходом...» Ты ведь все-таки осталась в этом мире, Шарлотта—неужели для того, чтобы терять, а не обрести?..

Charlotte. Я отрываюсь от себя... Я старею...

Valensia. Стареешь, когда надо цвести? Стареешь, даже не преодолев возрастной рубеж?

Charlotte. Я расту... и насильственным путем. Или, может быть, меня возвращают... А я если и цвету, то не для того, чтобы ЦВЕСТИ, но—ОТЦВЕСТИ и покончить с этим раз и навсегда. Я хочу жить тихо и как хочу—пусть меня оставят в покое!

Valensia. Девушка, тебе лишь надо полюбить...

Charlotte. Полюбить! Кого? И это не потому, что я не знакома с любовью, это не потому опять же, что нет достойных... не потому, что мир этот проклят... напротив, он очень идеален и логичен, лишь я не идеальна, поэтому мои желания и не осуществляются... О! Безумие! Меня загнали в угол, зажали, погнали на компромисс... и если после этого еще можно жить с надеждой на что-то, то только на бессмертие.

Valensia. А ты однако хочешь летать под солнцем, и победа—давно твоя, если бы желание это запирали другие, а не ты сама.

Charlotte. Что? Ты слышишь? Страх стучит в дверь! Это порок или проблема. Это причина или следствие. Это ожидание или рухнувший план.

Valensia. Ты покинула свою родину, и придет день—Англию ты тоже покинешь. Неправда, что нет надежды в тебе, а если нет—то тогда присутствует инстинкт—ты бессознательно (или упрямо молчаливо) ищешь... что?

Charlotte. Я ищу то, чего не хватает мне.

Valensia. Но что это?

Charlotte. Я не вижу истины... Он мешает мне!

Valensia. Он?

Charlotte. Тот—кто поселился—в моей ночи—

Фрагмент 2. Об объектах

Charlotte. С тех пор, как я начала бунтовать, все стало плохо. Он— часть меня, вросшее инородное тело. И если мне удалось еще бунтовать против себя же самой—сила ли это или круг наказаний? Я полагаю, это Дьявол.

Valensia. Но где же бог, Шарлотта?

Charlotte. Бог в противоречии! Бог в противоборстве. Бог в том сосуде, который ты назвала храмом моего сердца.

Valensia. Как же они могут ужиться?

Charlotte. На то и человек! На то и мученик! И зло на благо, и благо во зло, и прекрасные глаза с пустой душой, и золотое сердце со светобоязнью; непостоянство, непредсказуемость, порывы, натиски чувств, гирлянды эмоций, тучи мыслей, спектры настроений—откуда? Если не течение двух океанов, прохождение двух жизней—то что?! Но послушай... Я думала, он мой бог! И если не часть всевидящего ока, если не дань христианской культуры, если не дуновение с распятий, не ангел-хранитель, не всемирная ведущая рука—то хоть микрокосмическое божество. Мы были так верны друг другу, он обещал мне не расти, он обещал быть спокойным, он любил меня так безумно, как не мог бы полюбить ни один земной человек. Я постоянно ощущала его рядом с собой, он смотрел на меня из зеркала, он был лучше всех на свете в те безоблачные дни. У меня не было друга—такого, как он. Я любила оставаться одна—мне казалось, что наедине с собой, наконец, можно жить, потому как в эти минуты мы и жили только друг для друга—мы упивались. Такое ощущение, будто маленький мятежный дух блуждал и мучился, и наконец нашел пристанище в моем детском сердце. Я познала, как может любить бог. Это еще в Татарию было. О, ты знаешь, он любил воду и... мокрые камни, и длинные ветки; мы строили песочные домики. Он был всегда такой деятельный, изобретательный, мечтательный, светлый дух. Он боялся грозы, но вместе с тем она нравилась—он и мне передавал благоговение перед этой силой. Откуда же я могла знать, чем это все обернется...

Valensia. Но что же случилось? *(в сторону)* Однако я не могу это постичь!

Charlotte. Он оказался предателем. Клятвопреступником. Он обещал никогда не вырасти. Но превратился в огромное, растрепанное существо, проявляющее свою гадкую натуру. Вся его любовь оказалась химерой.

Valensia. Шарлотта, вернись! Нет ли бреда здесь? *(в сторону)* Я бессильна!

Charlotte. Бред? Нет, дорогая, он неуместен, как на исповеди.

Valensia. Я буду слушать дальше!

Charlotte. Я тоже обещала ему все на свете... Но однажды он шепнул мне о том, что я выросла. А мне было тогда одиннадцать лет,—я не ожидала, что он скажет когда-нибудь упрек мне... Мне!

На душе у меня было так тяжело—я сама себя ощущала будто не на земле: совсем не могла понять, в чем он усмотрел мою взрослость.

К двенадцати годам наше солнце вновь начало ходить по привычной и вечной своей орбите. В пятнадцать лет рухнуло все... Он стал живодером.

Valensia. *(в сторону)* Видно, это он приучил ее к мазохизму и страсти к суицидам.

Charlotte. О, зверь! Разъедал изнутри! Помню день, когда он так исполосовал меня, что я вся залилась кровью. Ужасный миг! Я упала на пол... Очнулась в страшной боли... А чудовище мое лишь хрипело: «Не сойти тебе с этого места...» Меня мысль пронзала, что я действительно не сделаю больше ни шагу—не смогу. Ведь он ударил по ногам, по тем самым, которыми восхищался всегда, восторгался, когда мы летели вместе по оживленным улицам, оставляя далеко позади наших соперников.

Valensia. Но душевное страдание захватило тебя, или это действительно биологическое разрушение?

Charlotte. Это была физическая боль.

Valensia. Но была ли болезнь?

Charlotte. Болезнь душевная—боль живая и чувствимая на коже—вот так уживаются ОНИ...

Valensia. Я буду слушать дальше...

Charlotte. А дальше он стал гонять меня по темным лесам, по болотам, в которых я постоянно вязла; по каким-то заросшим склонам, где я падала, снова поднималась, а он только бросал мне под ноги острые камни... Устремлял и устремлял, быстрее и быстрее, я должна была уже бежать не разбирая дороги...

Это как хищный зверь: маленький он ласкается к тебе, а лишь вырастет—кидается, угрожая огромной глоткой.

Valensia. (*в сторону*) Бред, но где же причина этой горячки...

Charlotte. Мне не спастись от этой зверюги. Он обвиняет меня,—но ведь я не сделала ничего предосудительного. Мне не будет покоя, я в вечном огне—что делать?.. Он бушует, он неумолим. А я люблю и скорблю о нем. А если он покинет меня—не покой? Покой! То есть покойная могила! Я не смогу жить без него... как же мне жить в этой прекрасной жизни?

Valensia. Но ведь бред есть! Ты никогда не видела его...

Charlotte. Да, не видела... или не смогла признаться... Нет в мире и в человеческом разуме таких слов—способных набросать детальный портрет... Нет в цивилизованных современных языках таких слов—хоть вполтину отражающих черты того, кто топает массивными ботинками по нервной системе...

Valensia. Но есть ли имя?

Charlotte. Имя есть... Значения нет.

Фрагмент 3. О свойствах тел

Charlotte. Знаешь, как дрожит натянутая струна или сердце дрожит от яркого вдохновения? Ему тогда суждено спеть самую замечательную песню в своей жизни.

И наполняю прерывистым звуком всю бездну каждой душевной раны, наполняю звуком небо и все, что видит глаз, и все, что способно его колебать...

И я звала тебя... звала, когда в глазах моих плескался целый океан, то темный, то вспыхивающий вдруг от света... да, свет был в каждой капле; они еще потом светились, когда струились по щекам—а глаза оставались все черными и безмерно грустными, и можно было думать, что они уже слепы, если не видят того, что хотят видеть...

И не было рядом того живого и теплого, оно было где-то во времени и пространстве—но я была одна, и мне было холодно и очень страшно... Вокруг все крутилось, поражая каждую клетку простым человеческим отчаянием... И равнодушные чужие глаза—много пар глаз—некоторые блестели очками, некоторые носили зеленые халаты; расплывавшиеся ступени и качавшиеся стены, вид ножей—и кровь фонтаном в колбу—перетянутая рука... и пристально вглядывавшиеся лица прохожих—и еще кричало сердце. Мысли словно потрясали снова и снова этот длинный коридор, что мне было больно, будто он находился во мне... Слышишь, я плачу вновь и давлюсь, и не могу разрыдаться среди безмолвной ночи... А еще была боль... Это было самое жуткое... Но я не отреклась от тебя ни на секунду, я всегда помнила о тебе и днем и ночью, и я сходила с ума и молила только морфия...

Этот день и час могли бы стать последними—если бы хотела я, если бы хотел ты... Но опять обернулось все привычным и безжалостным—я осталась жить и вновь парадоксально мучиться. Одной проблемой стало больше. Проблемой ли? Горем ли?

Фрагмент 4. К вопросу о непоследовател

ьных разговорах

Charlotte. Я все ей выложила, я все рассказала ей. Вечный путь светила: креплюсь и вдруг раскрываюсь с молниеносностью. Это похоже на поражающее оружие,—хлопушку: сказано много, но никто ничего не понял. Я не стремлюсь к сочувствию или пониманию, лишь боюсь взрыва... внутри...

Откуда ты?

Анна. Была с Марией и Уокером. Ничего не узнала и опять ни в чем не призналась.

Charlotte. Иной раз наговоришь гигантское количество слов, нагородишь целый огород, признаешься во всех тяжких—что? Не поняли, не хотели понять, не ждали, не поверили или не услышали... В чем же признаться, если они знать не хотят наших признаний, даже стоять рядом с нами не хотят...

В любви ли, в сумасшествии ли, в глупости ли—но если я признаюсь в государственной измене, даже стены услышат меня... Тсс!..

Что? Ты не призналась, Анна?

Анна. Ты все ей рассказала?

Пауза

Charlotte. Все или ничего! Я призналась в любви—страстными речами, в сумасшествии—неясными образами, в глупости—самим процессом признания... Анна, моя беда в том, что я каждый раз умею очнуться. Я могу быть нормальным человеком, оказывается...

Анна. Я тоже умею трезво мыслить... Я так ни в чем и не призналась сегодня!

Пауза

Мария говорила о людях, о песнях... Они, оказывается, музицируют и танцуют каждый заход солнца. А мы с тобой стережем тишину...

Charlotte. Ты знаешь лучше других, что я не пойду. Песни... Шарманщики! Ремесло на чувствах! И слушать слова—от совершенно незнакомых—будто о себе... Позволять другим лезть в душу? И знать, что каждый—рядом и напротив—тоже непременно будет характеризоваться тем же симфоническим аргом... Утешение в стадности искать?

Анна. А как же единство человечества, идея гуманизма, сообщество как система взаимодействий, братство и союз?

Charlotte. А как же зло и предательство и еще сотни две скверны... О Анна! А нелюбовь как же? О Анна!

Анна. Нелюбовь! Вот и связь! Вот и решение! Вот и недостающее звено! Мысли о сообществе, об ячейках в структуре—все не зря! Вот что мы имеем—он и я, вот что мы делим—он и я, вот наше сокровище, вот где мы короли. Нас связывает прочными путями—гнутыми, старыми, ржавыми, скрипучими, тяжелыми, рыжими—пусть!—нелюбовь. Вот и вся моя разгадка!

Charlotte. Что? Небытием связываться? Миры искать? Определять точки на глаз? Ахинею нести? Нелюбовь! Самоотрицающее понятие без формального выражения! Полное отсутствие любви и ненависти—даже простого равнодушия—ни связи, ни возможности, ни прошлого, ни будущего... Где брать твои рыжие путы, если не из воздуха? Чем плести? Пауков звать? Шаррики возвращать? Полю вспахивать? Люди, гордитесь нелюбовью с каждым незнающим вас, и будет вам плод—полное ничто!

Анна. Жестоко...

Charlotte. Жестоко!

Анна. И это все?

Charlotte. Это все!

Анна. Откуда эти истины?

Charlotte. Вовсе не истины! Парадоксы, ценные наблюдения, личный опыт—ничего космического... Ты молчишь? Плачь—и рви мне душу, кричи в ярости—и буди во мне слепого зверя. Выбирай!

Анна. Я молчу!

Charlotte. Молчишь... Молчишь, как истина, как звездное небо, как разум, как ночь, как каждая неживая частица в плодоносном начале... Отчего в живом вечно мертвые материи, откуда безмолвие в природе... Ответа почему нет?..—Из-за глухости нашей, невосприимчивости—в нас самих слишком много шума: разные внутренние голоса, страсти... природы почти ни в ком не осталось. В каждом живет свое чудовище. Лишь с ними и говорим, лишь их и слышим—им подчиняемся, их лелеем. И истину ищем... имеем наглость—от которой сами же отrekliсь.

Анна. И вновь парадокс: ГЛОХНУ ОТ ТИШИНЫ...

Фрагмент 5. К вопросу о непоследовательных мыслях

Анна. Будь оракулом! Гляди равнодушными глазами и знай лишь свои цели. Каменей изнутри—не воспринимай личностей, не узнавай знакомых лиц, замыслы не разгадывай, не сопоставляй поступков, не трактуй слов, не суди вопросов, не обнаруживай страстей, мести не верши, не давай ложных показаний, не приписывай аналогичностей. Ответь объективно—забудь, кто я! Лишь эти условия. Могу я спросить? Задать свои дикие вопросы?

Charlotte. Диких ответов не будет.

Анна. Способен ли яд избавить от нелюбви?

Charlotte. Нет. Ваша панацея избавит лишь от жизни. А нелюбовь так и останется, но без надзора, в запущенном состоянии; обретет бессмертие—и еще посмеется, что вы не могли.

Анна. Кто же излечит эту напасть?

Charlotte. Как знать! Может быть, черные чернила, которые безжалостно зачеркивают на бумаге ненавистное слово, может, операции по удалению сердец, но все-таки главное—ввести конкурента. ЛЮБОВЬ. Они не уживутся... А далее я не оракул!

Анна. Как же снискать его любовь?

Charlotte. Я предупреждала: никаких оракулов.

Анна. Ты не знаешь?

Charlotte. Не жадничаю!

Анна. Я погибла!

Charlotte. Ты будешь жить! День будет проходить за днем—пусть в слезах, мучениях, просьбах и жалобах—и они будут проходить—и ты будешь жить—и в грезах ты будешь сохраннее. И ты спросишь не раз об одном и том же—и опять не услышишь ответов; ты будешь похожа на потерявшего—который ищет бесплодно—и не потому, что ищет не в том месте, но потому, что недоумевает о факте пропажи, и ярость слепит его. А заодно и слезы... обиды.

А ведь мы все кричим—словно надеемся на внимание. Кричим—чтобы проснуться... в другой жизни, и бываем разочарованы, оказавшись в собственной постели. Бежали от ночных чудовищ—оказались в плену дневных теней.

Кто не сетовал, не был революционером, не рушил все окружающее из-за маленькой трещинки в бытии?

Живете! Что вам надо? Жить? Живите! Имейте такую смелость, будьте изобретательны.

И живут!—выделяются надклассом, становятся людьми, нуждаются в чувствах—стремятся к словам, хватают книги, читают стихи, ищут—не находят, бросают, просиживают над чистым листом и, наконец, оставляют там следы желчи, выпускают отраву—проверяют силу слова.

В этом мире мы склонны предполагать, и вот, в силу этой склонности, предполагаю: один из этих грешников написал однажды «Ты любишь его, ты кажешься нормальной, и тем самым я не имею нравственного права говорить о своей любви... к ТЕБЕ!»

Анна. О Шарлотта!

Charlotte. И у меня ты просишь помощи—у растерзанного существа!

Анна. О Боже! Меня наградили слишком богато или слишком скудно. Подарить мне мужчину в оболочке, откуда его никогда не вытащить! Оградить его трезвыми рассуждениями других! Кто же, кроме меня, найдет в тебе далекое от видимости? Кто меня благословит?

Charlotte. Пример встречать по одежке...

Анна. Скажи—еще какой несчастный с таким правом любовь ищет от любви?

Charlotte. Какой еще несчастный обделен так самым простым счастьем—видеть счастливым своего ближнего? Я смогла полюбить тебя и не могу дать тебе ни малейшей частички

довольства—я люблю тебя, но при этом не могу подарить тебе ни одной души против твоего одиночества—ни своей, ни его.

И благородство бы нашло во мне самую достойную обитель—моими руками отпустить тебя, отправить к венцу, но господь отомстил за меня: ты любишь его, но он не любит тебя! Прости, малыш! Но я не твой бог и не твой гений...

Фрагмент 6. О начале большого скандала

Charlotte. Взять кусочек ночи и обратить в мой сон... Добавить черноты моему сознанию... Вот то, что ты можешь, чудовище... Показывать мне плохие видения о моем горе!

Скажи, что не хватало тебе для полного счастья—такого заветного—ибо ты стал еще несчастнее, чем был? Что грызло тебя такого, что не грызло меня?.. Может быть, ты талантливее—дьяволу есть в чем превзойти человека. Может быть, я не видела небес так, как ты. Но истины не знали мы оба. И если твоя правда лишь в предательстве—как долго ты шел к ней—и при стольких примерах! Где же величие твоего духа, где же гениальность твоей природы? Принять самую последнюю человеческую пакость в конце концов!—о, ты демон—я не верю, что демонические твои недостатки оценились так дешево!

А может ты уходил от нее и в итоге вернулся? Уходил, а, оказывается, ходил по кругу, где кругом этим была моя жизнь! Тогда ты слаб, тогда ты не Дух! Но что это? Я ошибаюсь! Любовь девочки и падшего ангела должна была кончиться возвышенно—и если она завершилась плохо—то трагически—но не подло! Нет! Ведь это противоестественность!

Ты хочешь уйти—у тебя великие миссии—я не знала! Ведь я хотела уйти с тобой—ты не позволил! Что еще? Третьи лица? Нет! Он бы не мог... Значит, ты уходишь? Если я уже не говорю с пустотой. Бедный! Ты покидаешь меня, и вновь—безграничные всплески вселенных? Кто похищает тебя—какая сила? Что тебя влечет? Где же противоборство? Как это низко—служить кому-то! Служить небесному!—тогда земное все ничто—проходящее и случайное! Я—случайная, и значит, покинутая! Конечно, всякая сила властна над человеком, но над духом какая властна?! Что за страсть сманила моего духа?

Элемент третий. Идеологи

Фрагмент 1. О полном счастье

Аппа. Мне вдруг представился закат... Красное солнце садится за океаном... Красивое розовое небо... Шум волн, нежный ветерок, теребящий его волосы... Он стоит, озаренный вечерним солнцем, его одежда треплется ветром... волосы разлетаются в разные стороны... У него задумчивый вид... Я иду по берегу в длинном сарафане, с распущенными волосами... Подхожу к нему... Он поворачивается в мою сторону и откидывает левой рукой волосы назад... Его нежно-голубые глаза улыбаются мне... Мое лицо озаряет счастливая улыбка... Он тоже улыбается мне своей безумно очаровательной улыбкой... Он протягивает руки ко мне... и я бросаюсь в его объятия... Он подхватывает меня и кружит в порыве счастья... Я смеюсь только ему одному... Он опускает меня на песок и смотрит мне в глаза... Солнце освещает наши фигуры...

Фрагмент 2. О практике и теории счастья

Charlotte. Скажи мне, пророк, объясни мне значения непонятных слов... Назови мне признаки счастливых судеб... Я все-таки живу не в реальности, нет—вот ты увидишь, ты посмотришь. Не дал ума на великие дела, но дал разум отрицать все—для одного человека порок, для народа даже достоинство...

Anna. И значит—зреть Печальный Лик?

Charlotte. Наблюдательные люди говорили, что я бывала счастлива, и лишь я этого не замечала. Где ж искать, как найти—если не видишь? Внешний мир так огромен, чтобы научиться его воспринимать—а маленькое пространство внутри нас еще порой и заглушает даже малейшее поползновение к счастью. Где же счастливым быть—внутри или снаружи...

Anna. Мечты внутри—исполнения снаружи. Ведь есть же гармония...

Charlotte. Не гармония, а движение. Перетекание. Своего рода вырождение. Когда мечта превращается в свое исполнение—что душе остается?—одна пустота.

Anna. А удовлетворенность?

Charlotte. Неудовлетворенность и потерянности!

Наверное, мечты ведут к счастью. Мои—нет. А может быть, это не те мечты. Или вообще не мечты... Я летаю, Анна. Ни человеком стать не могу, ни возвышенным существом.

Anna. Они сбывались!—твои мечты.

Charlotte. На зависть другим...

Anna. В твоей жизни прослеживается смысл. У тебя есть плоды от этой жизни...

Charlotte. В полку на покой...

Anna. Я бы тоже хотела такой покой...

Charlotte. И что бы ты с ним делала? Как бы ты жила с этим огромным покоем? Какими бы ключами ты заводила эту ломаную игрушку? Анна, бог знает, что выстраданные радости надо валить с плеч так же, как груз несбывшихся надежд. Нужно уметь забывать многое что. Нужно много к чему относиться философски. Нужно учиться не оставлять следов, не оставлять живых частиц себя в прошлом... А еще: жить полностью в иллюзиях или вообще не строить их!

Anna. Я всегда думала, что счастье может строиться лишь на оправданных надеждах—строиться, как здание на достигнутых благах.

Charlotte. Тесное здание собственных удач стоит как памятник самому себе. Изучаешь каждый кирпич и думаешь: ведь мог же я радоваться и благословлять каждую пылинку, ведь мог же я уносить в будущее самые лучшие чувства, ведь мог же я жить даже как богач, не замечая собственной нищеты—я мог бы просто жить, не отыскивая желчи в самом себе.

И что же?! Настал тот день, который я видела вне времени. И мне сказали, что если до этого я должна была трудиться и добиваться, то теперь я должна радоваться и отдыхать. А я и не знала, как радоваться, как отдыхать... Просто осознала свой выполненный долг перед собой же. Меня венчали серебром, да. Короновали. И я вернулась с этой церемонии—шелестела дорогим платьем, блестела тяжелой драгоценностью на голове, в руках держала врученную законность, но душевно была так бедна. Анна, я вернулась без мечты и без надежды—с воспоминаниями и шоком. Как же я хотела радоваться в тот момент—и не могла. Как же может человек так безрассудно заблудиться в своей жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.